

Разведка месторождений и добыча соли на Дальнем Востоке России (1860—1917 гг.)

Ольга Александровна Устюгова,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: ustugova75@mail.ru

В статье рассматривается государственная политика по развитию соледобычи на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. В это время Приамурский край снабжался преимущественно иностранной солью, так как доставка относительно дешёвой, но низкокачественной соли из Забайкалья стоила дорого. Добычей соли на российском Дальнем Востоке занимались китайцы и корейцы (по морскому побережью Приморской области), вываривая соль из морской воды, и русские (на о. Сахалин). Однако такое производство требовало значительных затрат труда и топлива, давало продукт низкого качества, с примесью горьких солей, и в незначительном, по сравнению с требуемым, количестве. В условиях высокой потребности региона в поваренной соли как продукте первой необходимости и сырье для рыбопромышленности зависимость от ввоза иностранной соли беспокоила власти, поэтому определённое внимание они уделяли исследованию возможностей снабжения местного населения солью российского производства посредством развития соледобычи на Дальнем Востоке. Было найдено три пути решения этой задачи: наладить производство соли на месте, поддерживая китайские солеваренные промыслы; осуществить поиск и дальнейшую разработку месторождений соли в регионе; увеличить объёмы поставок соли с Иркутского солеваренного завода, с предварительным техническим усовершенствованием его производства.

Ключевые слова: Дальний Восток России, Восточная Сибирь, месторождения соли, соледобыча, солеваренные промыслы, снабжение.

Exploration and Salt Extraction in the Russian Far East (1860—1917).

Olga Ustyugova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: ustugova75@mail.ru.

The paper deals with the state policy on the development of salt extraction in the Russian Far East in the second half of the nineteenth century — at the beginning of the twentieth century. At that time, the region was mainly supplied with foreign salt, as the delivery of cheap but low-quality salt from Transbaikalia was

expensive. Salt was obtained by the evaporation from sea water by the Chinese and Koreans — along the seaside of the Primorye region and by the Russians — on the island of Sakhalin. However, such production required considerable labor and fuel costs, made a product of poor quality and in insufficient quantity. The region was in high demand for salt as raw material for the fishing industry and one of the essential goods. Because of high dependence on the import, the authorities were in need of supplying the local population with salt by its extraction in the Far East of Russia. Three ways of solving this problem were found: to establish salt extraction by supporting Chinese salt-works; to search and develop salt deposits in the region; to increase the volume of supplies from the Irkutsk salt plant with preliminary technical improvement of its production.

Keywords: Russian Far East, Eastern Siberia, salt deposits, salt extraction, salt-works, supply.

ВВЕДЕНИЕ

Во многих отношениях стратегический вопрос снабжения солью российского Дальнего Востока был актуален с самого начала его заселения и освоения. В Охотске — первом русском порту на Тихом океане — разрабатывался открытый около 1715 г. соляной фонтан возле р. Кемпендьяй, а с 1756 г. началась выварка соли из морской воды на устроенном командиром Охотского порта премьер-майором Зыбиным заводе, который располагался в 6 верстах от города, в устье р. Урак, и первоначально снабжал также Камчатку и Гижигу [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 284; 13, с. 63]. На Охотском солеваренном заводе полученные вымораживанием крепкие рассолы из морской воды уваривались на дровах. Обслуживалось это предприятие, как и все сибирские казённые соляные заводы, трудом ссыльнокаторжных: 20 рабочих, добывавших до 2 тыс. пудов соли в год, обеспечивали практически весь дальневосточный край [16, с. 28; 12, с. 42]. Однако вследствие использования несовершенных приспособлений и плохого управления делом получаемая соль имела низкое качество и обходилась казне очень дорого (до 15 руб. за пуд), поэтому в 1836 г. завод был закрыт, а соль стали завозить из сибирских городов [13, с. 63; 1, с. 38; 9, с. 44].

Во второй половине XIX в. началось заселение и освоение южных районов Дальнего Востока России. Амурская и Приморская области почти не имели своей соли, поэтому сначала снабжались привозной из Восточной Сибири — с Борзинского соляного озера и Иркутского солеваренного завода [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 27; Д. 302. Л. 31, 28; Ф. 704. Оп. 3. Д. 817. Л. 1]. С середины 1860-х гг. для населения Приморской, а с середины 1870-х гг. — и Амурской областей вместо забайкальской соли стали закупать иностранную, более качественную и дешёвую [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 302. Л. 30—30 об.; Ф. 702. Оп. 1. Д. 174. Л. 177; Ф. 704. Оп. 3. Д. 817. Л. 71], поступавшую через Владивосток и Николаевск-на-Амуре из Китая, США, Германии и Японии [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 304. Л. 25 об.; 4, с. 124—125].

В условиях значительной потребности региона в поваренной соли как продукте первой необходимости и сырье для рыбопромышленности зависимость от ввоза иностранной соли беспокоила власти, поэтому определенное внимание они уделяли исследованию возможностей снабжения населения Дальнего Востока солью российского производства.

РАЗВИТИЕ СОЛЕВАРЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

На юге российского Дальнего Востока с самого начала его заселения существовал промысел вываривания соли из морской воды. Им занимались китайцы и корейцы у берегов бухты Экспедиции и Амурского залива, по побережью от залива Посъета до устья р. Мангугай, в Сучанском и Ольгинском участках Южно-Уссурийского округа Приморской области, а также русские — на о. Сахалин [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 136 об.; Оп. 4. Д. 610. Л. 136 об.; Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 284; 4, с. 125].

Китайцы добывали соль следующим образом: на морском берегу выкапывались неглубокие, но обширные бассейны — ямы, в которые по канавкам напускалась морская вода, выпаривавшаяся под воздействием солнечных лучей. Добытый таким способом рассол вываривался в маленьких котлах на огне [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 49—49 об.; Ф. 1. Оп. 4. Д. 663. Л. 20—20 об.]. При корейском способе морская вода естественному испарению в резервуарах не подвергалась, а содержание соли в ней увеличивалось примешиванием прибрежного песка [4, с. 125].

На побережье залива Петра Великого уже в 1860-х гг. действовало 15 таких солеваренных заводов, с производительностью каждого от 300 до 1500 пудов в год. В 1875 г. солеваренные заводы в бухте Экспедиции за несколько месяцев вываривали до 25 тыс. пудов соли, которую сбывали по всему побережью залива Петра Великого, в Посъете, на р. Янчихэ, в расположенные на российской территории корейские деревни, во Владивосток, а большую часть вывозили через русско-китайскую границу в Хуньчунь [2, с. 227—228; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 663. Л. 20 об.—21].

Во исполнение предписания генерал-губернатора Восточной Сибири от 11 ноября 1875 г. управляющий акцизными сборами Амурской и Приморской областей представил на его благоусмотрение ряд возможных мер по развитию добычи соли: «1) разрешить местным манзам свободную выварку соли из морских рассолов до 1 января 1881 г. — срока, которым кончатся торговые льготы, дарованные этому краю; 2) разрешить иностранцам (между коими найдутся скорее люди знающие дело) устраивать до 1881 г. беспошлинно солеваренные заводы; 3) поручить акцизному надзору совместно с местной администрацией собрать, насколько возможно, подробные данные о возможности развести и оставить солеваренное дело в Южно-Уссурийском крае» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 663. Л. 21 об.].

Высочайше утверждённым 4 марта 1877 г. положением Комитета министров выварка соли из морской воды в Южно-Уссурийском крае и продажа её без уплаты акциза и попудных денег была разрешена только манзам (так называли китайцев на российском Дальнем Востоке) и русским подданным до 1 января 1881 г. 25 января 1880 г. это разрешение было продлено до 1 января 1886 г., а 29 ноября 1885 г. — до 1893 г. и далее бессрочно [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 415. Л. 56; Ф. 704. Оп. 3. Д. 107. Л. 2; Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 50—50 об.]. Однако русские переселенцы предпочитали заниматься земледелием и промыслами, требовавшими меньших затрат, чем выварка соли из морской воды [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 610. Л. 135 об.—136], поэтому последняя была отдана на откуп китайцам.

В 1881 г. на основании пункта 15 «Правил о сухопутной торговле с Китаем», приложенных к российско-китайскому Петербургскому договору, вывоз соли из России в Китай был запрещён, так как её продажа являлась монополией китайского императора [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2161. Л. 1, 13]. Вполне закономерно, что с 1882 г. добыча соли в Посьетском участке Южно-Уссурийского округа снижалась, вываренная соль расходилась по корейцам и манзам, проживавшим в Приморской области, так как русские её не употребляли из-за низкого качества, а к 1883 г. благодаря торговой конкуренции цена привозной импортной соли сравнялась с местной китайской [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 663. Л. 1, 25; Д. 610. Л. 137].

Вблизи Новокиевского урочища китайцами и корейцами в 1889—1893 гг. добывалось по 12—13 тыс. пудов соли в год, в 1896—1899 гг. — 20 тыс. пудов. Эта соль отчасти потреблялась в ближайших местностях, но в основном, несмотря на запрет, вывозилась в Хуньчунь [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153. Ч. II. Л. 589 об.; Ф. 1192. Оп. 1. Д. 14. Л. 117; Д. 15. Л. 19 об.; 4, с. 125]. В Приморскую область соль шла мало; только во время Русско-японской войны отсюда было вывезено несколько тысяч пудов для селений Никольско-Уссурийской равнины [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2161. Л. 27—27 об.].

Около 1900 г. начались работы по выварке соли на оз. Тальми, расположенном на юго-западе от Посьета. В 1905—1907 гг. вываривавшиеся ежегодно 15 тыс. пудов соли отправлялись в Китай. Отмена порто-франко подорвала промысел: с 1910 по 1922 г. выварка соли не производилась [3, с. 58—59].

На о. Сахалин, по мнению акцизного надзора, «дело было поставлено более рационально, чем у китайцев, и получалась соль настолько хорошего качества, что её употребляли в пищу местные команды» [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 50]. Согласно сведениям, собранным горным инженером острова А. Марголиусом, добывать соль из морской воды Татарского пролива начали в конце 1870-х гг. с целью замены дорогостоящей привозной соли на более дешёвую морскую, добываемую на месте трудом каторжан. Морскую воду кипятили в склёпанных из железа котлах до появления соляной плёнки, затем температуру уменьшали и собирали соль, которую сушили в специальных ящиках с продырявленными днищами. Для подогрева котлов использовались дрова, хотя

солеварни находились недалеко от угольных копей в Дуэ. Выпариваемая соль была очень плохого качества и имела неприятный, горький вкус. В 1881—1883 гг. было добыто 2272 пудов 39 фунтов, средняя стоимость пуда составила 2 руб. 98 коп., в то время как японская соль более высокого качества на Сахалине стоила не больше 1 руб. за пуд. В 1886—1888 гг. было добыто уже 8374 пудов 12 фунтов. С 1888 г. по неизвестным причинам производительность снизилась вдвое, возможно, это было связано с переходом руководства соляным промыслом от японца Наитаки к начальнику тюрьмы [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 96—97 об.]. В 1889 г. ежегодно вываривалось не более 1 тыс. пудов соли, обходившейся казне до 3,5 руб. за пуд [15, с. 217].

А. Марголиус предполагал, что главной причиной прекращения соляного промысла на острове была дороговизна добываемой соли. Кроме того, воды Татарского пролива содержали большой процент горьких солей магния, не допускавших образования крепкого раствора: засоленная такой солью рыба портилась через 2—3 месяца. По мнению горного инженера, выварка соли на южном Сахалине не имела промышленного значения, могла существовать лишь в форме небольшого производства, возможного только при предварительном обогащении морской воды бассейновым способом или вымораживанием, т.е. усовершенствованного в техническом отношении, что значительно повысило бы стоимость конечного продукта [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 97 об.—99].

Соляной промысел существовал также на территории Ляодунского полуострова, арендованного Россией у Китая на основании конвенции 1898 г., особенно он был развит в северно-восточной его части, по берегу бухты Бицзыво [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 288]. При посещении Квантунской области в 1898 г. Приамурский генерал-губернатор обратил внимание на отошедшие к России «морские соляные варницы» близ Порт-Артура, Бицзыво и в других местах, где можно было добывать более 1 млн пудов соли, и через министра государственных имуществ и земледелия ходатайствовал о снабжении Приамурского края этой солью, о чём впоследствии просил и главный начальник и командующий войсками Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 304. Л. 25 об.]. Горный инженер при Приамурском генерал-губернаторе К. Пфаффиус выяснил, что квантунская соль могла заменить различные сорта соли, употребляемые в Приамурском крае [5, с. 186]. В 1899 г. она была исследована в Центральной химической лаборатории Министерства финансов в Санкт-Петербурге и признана безвредной в качестве пищевого продукта [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 304—304 об.; Оп. 1. Д. 304. Л. 25 об.]. Солеваренный промысел эксплуатировался Россией с уплатой китайскому правительству того чистого дохода, который оно получало до перехода бухты Бицзыво в российское пользование [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 288].

Весной 1899 г. хабаровский купец Пьянков закупил для Приамурского края 100 тыс. пудов квантунской соли по 5 коп. за пуд [5, с. 186—187],

однако её не удалось распродать в Николаевске-на-Амуре: другие торговые фирмы сделали большие запасы соли, а потребители — несмотря на дешевизну (50—60 коп. против американской — по 60—65 и до 80 коп. за пуд) — отнеслись к малоизвестной на рынке соли с недоверием. Пьянков обратился к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой приобрести эту соль для пополнения казённых запасов, однако она не была удовлетворена, и торговцу пришлось партиями развозить свой товар вверх по Амуру до Сретенска [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 312, 369; Д. 197. Л. 69].

С 1900 г. право на добычу и продажу соли в Квантунской области на 2,5 года было предоставлено китайцу Тифонтаю за определённую плату русскому правительству. Согласно отчёту Горного департамента, в 1900—1903 гг. население Амурской и Приморской областей частично продовольствовалось квантунской солью [10, с. 660, 653]. В 1905 г. в связи с поражением России в Русско-японской войне по Портсмутскому договору Квантунская область отошла к Японии, а доступ к солеваренным промыслам был утрачен.

ПОИСК МЕСТОРОЖДЕНИЙ КАМЕННОЙ СОЛИ В РЕГИОНЕ

Первую попытку обнаружить каменную соль на российском Дальнем Востоке предпринял горный инженер А. Ефимов, считавший, что «...недостаток собственной соли отражается на многих отраслях народного хозяйства Амурского края и Приморской области, но попытки устранить его не было сделано ни лицами правительственными, ни частною предприимчивостью» [8, с. 283]. Он по собственной инициативе занялся сбором данных по этому вопросу, однако, обратившись за справкой в Приморское областное правление, обнаружил лишь одно сообщение о признаках залежей каменной соли около Чнырраха, в 12 вёрстах от г. Николаевска-на-Амуре [8, с. 283—284], что и определило направление его изысканий.

С января 1877 г., после сдачи обществу «Сахалин» каменноугольных копей в Дуэ, по 1 июля 1878 г., когда А. Ефимов был утверждён на должность окружного горного инженера, он занимался поисками соляного месторождения в районе Николаевского округа [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 820. Л. 7]. Летом 1877 г. на шлюпке им был осмотрен левый берег р. Амур от гиляцкой деревни Пальво, в 30 вёрстах выше Николаевска, до мыса Чадбах, в устье р. Амур, а осенью — обнажения рек, впадающих в Амур, но соли обнаружено не было [8, с. 284]. Весной 1878 г. исследования были возобновлены: горный инженер заметил, что вода в колодцах в г. Николаевске-на-Амуре имела солёный вкус, что позволило ему сделать предположение о прохождении вблизи города соленосных пород и укрепиться во мнении о том, что сообщение о признаках соленосности в окрестностях Чнырраха заслуживает внимания [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 820. Л. 15 об.—16 об.; 8, с. 285].

Благодаря помощи инородцев, поселённых вниз по течению р. Амур, удалось собрать коллекцию образцов и получить указания о местах выхода пород, представлявших интерес. В 1879 г. рапортом военному губернатору А. Ефимов заявил о своём намерении проверить на месте полученные сведения, на что и испрашивал от 100 до 150 руб. авансом. Получив из Николаевского казначейства 100 руб. на предстоящие расходы, 28 октября он отправился в северную часть Николаевского округа, где, по собранным предварительно сведениям, существовала наибольшая вероятность найти соль. По правому берегу р. Малый Искань, впадающей в залив Счастья Охотского моря, А. Ефимов обнаружил соленосные глины. Химический анализ образцов, взятых с глубины 2 футов, т.е. почти с поверхности, показал содержание поваренной соли (NaCl) 8,37% [8, с. 285–286; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 820. Л. 3, 7, 28; 16, с. 71].

В ноябре 1879 г., получив указания от сопровождавших его якутов о том, что в трёх вёрстах к востоку в берегах речки, впадающей в р. Малый Искань, видны породы, подобные описанным, геолог осмотрел и её глинистые берега. А. Ефимов хотел продолжить свои исследования, но простудился во время пурги и 11 ноября был вынужден возвратиться в г. Николаевск-на-Амуре, хотя от прибывших на кочевье тунгусов им были получены сведения о находящемся в 15 вёрстах к северо-западу горьком озере, соединяющем р. Коль с Охотским морем [8, с. 287].

В своём рапорте военному губернатору Приморской области М.П. Тихменеву от 18 ноября 1881 г. А. Ефимов писал: «Местность Николаевского округа, в которой была найдена соль, заслуживает в горном отношении детального исследования. Делать же окончательное заключение и обещать баснословные подземельные залежи соли, на основании только добытых моими исследованиями данных, я считаю себя не вправе. Посему безусловно верное заключение о запасах соли, или другими словами о благонадёжности рекомендуемого месторождения может дать только непосредственное исследование с помощью бурения» [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 820. Л. 16 об.]. В случае, если бы правительство не смогло приступить к разведке месторождения, А. Ефимов предлагал привлечь частный капитал [8, с. 289].

24 декабря 1881 г. Приморское областное правление сделало представление Приамурскому генерал-губернатору о необходимости исследования открытого в Николаевском округе месторождения каменной соли [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 820. Л. 33]. На его разведку А. Ефимов считал нужным выделить 35 тыс. руб., но таких денег в казне не нашлось: эта сумма была признана комиссией, учреждённой для изыскания мер к улучшению соляного дела в Восточной Сибири в 1883 г., чрезмерно большой [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 610. Л. 136; 16, с. 71].

По сведениям И.Ф. Шредера, через несколько лет А. Ефимову удалось найти заинтересовавшегося его проектом предпринимателя [16, с. 71]. Возможно, речь идёт о купце Шевелёве, который изъявлял желание произвести разработку найденной А. Ефимовым соленосной глины. 3 июня 1884 г.

генерал-губернатор Восточной Сибири запрашивал у военного губернатора Приморской области, на какой срок Шевелёв желал бы взять разведку и разработку соли и на какую попудную плату после льготных 15 лет он рассчитывает, а 22 ноября 1884 г. Горное отделение Главного управления Восточной Сибири сделало повторный запрос, однако сведения предоставлены не были [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 610. Л. 193—193 об.]. По-видимому, предпринимателя не заинтересовало предложение казны: он был готов вложить собственные средства на условиях получения монополии на разработку открытого месторождения, но в этом ему было отказано. По закону принадлежавшие казне месторождения соли не отчуждались в частную собственность, а лишь сдавались в аренду с попудной платой. Несколько лет спустя появился новый предприниматель, которому безвозмездно была предоставлена 1 квадратная сажень площади для разведки бурением, но также отказано в монополии на разработку [16, с. 71; 14, с. 109].

В 1885 г., ввиду некоторой неполноты данного А. Ефимовым описания найденного им месторождения, Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф командировал состоявшего при нём горного инженера Йордана для исследования соленосных глин в Николаевском округе [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 25. Л. 6—7], однако судьба этих изысканий неизвестна. В 1888 г. командированный для проверки сообщения А. Ефимова горный инженер Л. Бацевич (Вацевич) после беглого обследования долины р. Малый Искай вынес отрицательное заключение о соленосности этого района [14, с. 109; 7, с. 290].

Через несколько лет в канцелярию горного инженера были поданы две заявки на разработку соляных месторождений — барона Т. Траубенберга (в 2 сопках по левому берегу р. Искай, в 1,5 вёрстах от её протоки) и Н.С. Беяева (на правом берегу р. Искай, в горе Мальпах). В 1899 г. для проверки этих заявлений был командирован помощник приморского окружного инженера Красильников, но заявки были отозваны. Возможно, предприниматели сомневались в том, что смогут найти соль, поэтому и не желали затрачивать свои капиталы на сомнительное в коммерческом отношении предприятие [14, с. 109—110].

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО РАЗВИТИЮ СОЛЕДОБЫЧИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1910-х гг.

Летом 1910 г. в Иркутскую губернию и Забайкалье по предложению товарища министра торговли и промышленности Д.П. Коновалова был командирован член Горного учёного комитета, ординарный профессор Горного института И.Ф. Шредер. Он должен был ознакомиться с положением дела на местах, собрать и систематизировать данные о снабжении

Восточной Сибири солью и на их основе представить программу мероприятий, направленных на повышение производительности эксплуатируемых казённых соляных источников и поиску новых [16, с. 3; 11, с. 126].

И.Ф. Шредер посетил крупнейший солеваренный завод Восточной Сибири — Иркутский, находившийся в с. Усолье, в 70 вёрстах от Иркутска, на берегу р. Ангары и на её островах — Варничном и Спасском [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 558а. Л. 67 об.; 16, с. 20]. Рассолы Иркутского солеваренного завода имели низкую насыщенность солью, поэтому для усиления их крепости применялись градиры [15, с. 229, 233] — специальные устройства для выпаривания воды из соляного раствора. В 1908 г. министерством на устройство градира при Иркутском заводе было выделено 150 тыс. руб. с условием завершения работ в течение трёх лет. На отпущенные в конце 1909 г. 50 тыс. руб. завод в 1910 г. построил 1200 квадратных саженей градир [РГИА ДВ. Ф. 994. Оп. 1. Д. 58. Л. 2]. Однако к 1910 г. производительность завода не превышала 400 тыс. пудов (при цене соли в продаже — 50 коп. за пуд), что не удовлетворяло даже потребности рынка Восточной Сибири [16, с. 20].

Из сделанного И.Ф. Шредером анализа производства Иркутского завода следовало, что дальнейшее увеличение площади градиров позволит снизить определяющуюся слабостью получаемых рассолов себестоимость соли до 20 коп. за пуд [16, с. 58, 60, 74], а понижение тарифов и фрахтов для иркутской соли, идущей на Амур, позволит ей конкурировать с солью, ввозимой в порты Приморской области из-за границы [16, с. 75]. В 1910 г., согласно данным, приведённым в докладной записке помощника начальника Иркутского горного управления В.В. Мурзакова «Иностранная соль в Приморской области и возможные меры к замене её русской солью», тарифы железных дорог (25,4 коп.) и частных пароходов (35—40 коп.) не позволили бы иркутской соли проникнуть в Амурскую и Приморскую области, так как стоимость её доставки превышала цену иностранной соли в Николаевске (45—65 коп.) [РГИА ДВ. Ф. 994. Оп. 1. Д. 58. Л. 1 об.—3]. Замена импортной соли отечественной на рынках Приморской области, без её удешевления, была возможна только при условии введения пошлины на её ввоз, а также организации доставки на Дальний Восток крымской соли [16, с. 77—78].

И.Ф. Шредер также пришёл к выводу, что удешевления соли в Приморской области можно добиться лишь путём развития местной соледобычи и открытия новых месторождений. Для этого необходимо было ознакомиться с климатическими условиями в бухте Посъет (где кустарная добыча соли производилась китайцами и корейцами), организовав метеорологическую станцию, и определить, возможно ли осуществление более рационального и крупного производства [16, с. 30, 76—78]. Необходимо было также исследовать возможность нахождения залежей соли в Забайкалье, Приамурье и Приморской области и более тщательно проверить открытое А. Ефимовым месторождение [16, с. 36, 71, 76].

В ходе Амурской экспедиции 1909—1910 гг. вопрос снабжения солью российского Дальнего Востока рассматривался ввиду недопустимой, с точки зрения государственных интересов, зависимости русской рыбопромышленности от ввоза иностранной соли [14, с. 97]. По мнению В.Ф. Романова, подготовившего для трудов экспедиции материалы о нуждах Николаевского района Приморской области, особого внимания заслуживал возбуждённый Иркутским горным управлением вопрос о расширении деятельности ближайшего к Приамурью Иркутского солеваренного завода и об удешевлённой перевозке его продукта на восток, однако наилучшим решением, хотя и требовавшим значительного времени и финансов без твёрдой уверенности в благоприятном результате, было бы открытие месторождений соли на Дальнем Востоке [14, с. 99, 108].

«Значение соли для края настолько велико, — писал в своём докладе начальнику Амурской экспедиции окружной инженер Н.И. Цимбаленко, — что, как ни ничтожно вероятно нахождения её здесь, было бы желательно детальное обследование всей Приморской области именно в этом отношении, те исследования, какие до сих пор производились не только в Приморской области, но и вообще в Приамурье, имели в виду преимущественно золото» [14, с. 108]. Поиски соли, согласно заключению Н.И. Цимбаленко, должны были быть проведены за счёт казны в районе между оз. Чля, р. Коль, Охотским морем и Амуром. Желательно также было провести детальную разведку долины р. Малый Искай, поскольку обнаруженные А. Ефимовым глины содержали значительное количество (38,55%) гипса — геологического «спутника» соли. Кроме того, проверявшему это месторождение Л. Бацевичу, который, кстати, высказывал желание ошибиться в своих выводах, не удалось найти сопровождавших А. Ефимова проводников, к тому же у него, по-видимому, не было буровых инструментов, а для обследования 25-вёрстной долины им были в нескольких местах пробиты шурфы всего в 2 аршина глубиной [14, с. 108—110].

В 1911 г. предложения И.Ф. Шредера были внесены на рассмотрение Совета по горнопромышленным делам, которым было принято решение об увеличении производительности Иркутского солеваренного завода до 1 млн пудов в год, в связи с чем планировалось как усиление его оборудования, так и производство средствами казны разведок соляных источников вблизи завода (на р. Мальтинке, в 16 вёрстах на восток от Усоля). Также было признано желательным производство разведок Вилюйских месторождений соли, находившихся в Якутской области и лишённых выхода к рынкам потребления [11, с. 126; 16, с. 76].

6 октября 1911 г. товарищ министра торговли и промышленности сообщил Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти, что на основании постановления Комитета по заселению Дальнего Востока от 24 февраля 1911 г., придавая серьёзное значение вопросу о снабжении населения в Сибири солью и понижении цен на неё, предполагается

заложить буровую скважину близ ст. Мальты у Иркутского солеваренного завода глубиной до 150 саженей, тем самым повысив его производительность с 400 тыс. до 1 млн пудов в год и понизив стоимость добычи с 40 до 25 коп. за пуд. С этой целью в смету Горного департамента Министерства торговли и промышленности на 1912 г. на геологические исследования в Восточной Сибири было внесено 50 тыс. руб. [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 291. Л. 2—2 об.].

Во время Первой мировой войны стало очевидно, что не всегда можно рассчитывать на привоз соли из-за границы: германская соль не ввозилась, подвоз порт-саидской и американской соли был затруднён из-за перегруженности пароходов коммерческими и военными грузами, на местном рынке появилась низкокачественная японская и китайская соль [РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 52. Л. 45]. Обострение вопроса снабжения солью Дальнего Востока России актуализировало потребность увеличения объёмов производства Иркутского солеваренного завода до 2—2,5 млн пудов в год. В 1915 г. на о. Спасском при прохождении новой скважины был обнаружен рассол, но к практическому использованию этого бурения не приступали, а в 1916—1918 гг. на о. Варничный были заложены три буровые скважины, пройденные на глубину 645, 479 и 420 м, но ни одна из них не была закончена [6, с. 190; 7, с. 276].

ВЫВОДЫ

Российские власти стремились снизить зависимость региона от ввоза иностранной соли посредством поддержки развития солеваренных промыслов по морскому побережью, поиска месторождений соли, а также организации её поставок из Восточной Сибири — с Иркутского солеваренного завода.

На практике попытки развить добычу соли на месте особого успеха не имели: промысел китайцев и корейцев не играл значительной роли в снабжении солью русского населения, так как его продукция в основном вывозилась в Китай, добыча соли на Сахалине также не получила развития. Поиски месторождений каменной соли средствами казны продолжены не были, несмотря на то, что необходимость проведения геолого-разведочных работ подчёркивалась как чинами местной администрации, так и специалистами, проводившими исследования отрасли в регионе. Российское правительство, понимая, что в сложившихся на данном этапе экономических условиях избавиться от ввоза иностранной соли не удастся, сделало выбор в пользу наиболее рентабельного решения проблемы — вкладывать средства в техническое переоснащение Иркутского солеваренного завода, обеспечив рост его производительности за счёт получения более концентрированных растворов соли градированием, а также разведки новых соляных источников бурением.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки (до конца XIX в.). М.: Наука, 1982. 288 с.
2. Алепко А.В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск: Изд-во ХККМ, 2001. 368 с.
3. Арсентьев А. Выварка соли из озера Тальми // Советское Приморье. 1925. № 3. С. 58—69.
4. Бережников М. Обзорение фабрично-заводской промышленности в Приморской области в 1896 г. // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. IV. Вып. II. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, 1898. С. 1—143.
5. Всеподданнейший отчёт начальника Квантунского полуострова генерал-майора Д.И. Субботича. 1898 и 1899 годы. Порт-Артур: Типография Штаба войск Квантунской обл., 1899. 238 с.
6. Горавский А.И. К вопросу развития Иркутского соляного промысла // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 6. Промышленность. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1927. С. 189—202.
7. Естественные производительные силы России. Т. 4: Полезные ископаемые, 35. Каменная соль и соляные озёра. Л.: Рос. Гос. Академ. Тип., 1924. 300 с.
8. Ефимов А. Исследование солёности Северо-восточной части Николаевского округа Приморской области // Горный журнал. 1881. № 11. С. 283—289.
9. Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII—XX вв.). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1994. 260 с.
10. Отчёт Горного департамента за 1900 и 1901 года. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903. 856 с.
11. Отчёт Горного департамента за 1911 г. СПб.: Типо-литография «Якорь», 1913. 774 с.
12. Прихожан Н.В. О возможности соляной промышленности в Южно-Уссурийском крае // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток: Изд-во Владивостокского отделения госкниги, 1923. С. 42—46.
13. Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1902. 388 с.
14. Романов В.Ф. Нужды Николаевского района Приморской области // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. X. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. 185 с.
15. Стемпневский Г. Соляные промыслы Восточной Сибири // Горный журнал. 1889. № 5—6. С. 216—291.
16. Шредер И.Ф. Соль в Восточной Сибири. СПб.: Типо-литография «Якорь», 1911. 79 с.
17. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Alekseev A.I. *Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoj Ameriki (do kon-tsa XIX v.)* [The Development of the Far East and Russian America by the Russian People (until the End of the Nineteenth Century)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 288 p. (In Russ.)

2. Alepko A.V. *Zarubezhnyj kapital i predprinimatel'stvo na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XVIII v. — 1917 g.)* [Foreign Capital and Entrepreneurship in the Far East of Russia (the Late Eighteenth Century — 1917)]. Khabarovsk, izd-vo KhKKM Publ., 2001, 368 p. (In Russ.)
3. Arsent'ev A. Vyvarka soli iz ozera Tal'mi [Evaporation of Salt from Lake Talmi]. *Sovetskoe Primor'e*, 1925, no. 3, pp. 58—69. (In Russ.)
4. Berezhnikov M. Obozrenie fabrichno-zavodskoj promyshlennosti v Primorskoj oblasti v 1896 g. [Review of Factory Industry in the Primorye Region in 1896]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva* [Notes of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. 4, iss. 2, Khabarovsk, Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo General-Gubernatora Publ., 1898, pp. 1—143. (In Russ.)
5. *Vsepoddannejšij otchet nachal'nika Kvantunskogo poluoostrova general-majora D.I. Subboticha. 1898 i 1899 gody* [The Report of the Chief of the Kwantung Peninsula Major-General D.I. Subbotich for 1898 and 1899]. Port-Arthur, Tipografiya Shtaba vojsk Kvantunskoj obl. Publ., 1899, 238 p. (In Russ.)
6. Goravskij A.I. K voprosu razvitiya Irkutskogo solyanogo promysla [On the Issue of the Development of Irkutsk Salt Industry]. *Proizvoditel'nye sily Dal'nego Vostoka*. Vyp. 6. Promyshlennost' [Productive Forces of the Far East. Iss. 6. Industry]. Khabarovsk; Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1927, pp. 189—202. (In Russ.)
7. *Estestvennye proizvoditel'nye sily Rossii. T. 4: Poleznye iskopaemye, 35. Kamennaya sol' i solyanye ozera* [Natural Productive Forces of Russia. Vol. 4: Minerals, 35. Rock Salt and Salt Lakes]. Leningrad, Ros. Gos. Akadem. Tip. Publ., 1924, 300 p. (In Russ.)
8. Efimov A. Issledovanie solenosnosti Severo-vostochnoj chasti Nikolaevskogo okruĝa Primorskoj oblasti [The Study of Salinity of the North-Eastern Part of the Nikolaevsk District of the Primorye Region]. *Gornyj zhurnal*, 1881, no. 11, pp. 283—289. (In Russ.)
9. Isakov A.N. *Istoriya trgovli na Severo-Vostoke Rossii (XVII—XX vv.)* [The History of Trade in the North-East of Russia (the Seventeenth Century — the Twentieth Century)]. Magadan, Magadan. kn. izd-vo Publ., 1994, 260 p. (In Russ.)
10. *Otchet Gornogo departamenta za 1900 i 1901 goda* [The Report of the Mining Department for 1900 and 1901]. Saint-Petersburg, Tipografiya A.S. Suvorina Publ., 1903, 856 p. (In Russ.)
11. *Otchet Gornogo departamenta za 1911 g.* [The Report of the Mining Department for 1911]. Saint-Petersburg, Tipo-litografiya "Yakor" Publ., 1913, 774 p. (In Russ.)
12. Prikhozhan N.V. O vozmozhnosti solyanoj promyshlennosti v Yuzhno-Ussurijskom krae [On the Possibility of Salt Industry in the South-Ussuri Region]. *Primor'e, ego priroda i khozyajstvo* [Primorye, its nature and economy]. Vladivostok, Izd-vo Vladivostokskogo otdeleniya gosknigi Publ., 1923, pp. 42—46. (In Russ.)
13. Prozorov A.A. *Ehkonomicheskij obzor Okhotsko-Kamchatskogo kraja* [Economic Overview of the Okhotsk-Kamchatka Territory]. Saint-Petersburg, Tip. SPb. t-va pech. i izd. dela "Trud" Publ., 1902, 388 p. (In Russ.)
14. Romanov V.F. Nuzhdy Nikolaevskogo rajona Primorskoj oblasti [The Needs of the Nikolaevsk District of the Primorye Region]. *Trudy komandirovannoj po vysochajšemu poveliiu Amurskoj ehkspeditsii* [The Works of the Amur Expedition Sent by the Highest Command]. Vol. 10. Saint-Petersburg, Tip. V.F. Kirshbauma Publ., 1911, 185 p. (In Russ.)
15. Stempnevskij G. Solyanye promysly Vostochnoj Sibiri [Salt Industry in Eastern Siberia]. *Gornyj zhurnal*, 1889, no. 5—6, pp. 216—291. (In Russ.)
16. Shreder I.F. *Sol' v Vostochnoj Sibiri* [Salt in Eastern Siberia]. Saint-Petersburg, Tipo-litografiya "Yakor" Publ., 1911, 79 p. (In Russ.)